

Жизнь и смерть «красного князя»*

Рец. на: *Ефимов М. В., Смит Дж.* Святополк-Мирский. М. : Молодая гвардия, 2021. 702 с. (Сер.: Жизнь замечательных людей. Вып. 1825.)

Олег Осовский

Мордовский государственный педагогический университет,
Саранск, Россия

Вера Киржаева

Мордовский государственный университет,
Саранск, Россия

The Life and Death of the *Red Prince*

Rev. of: Efimov, M. V., Smith, G. S. (2021). *Svyatopolk-Mirsky*
[Svyatopolk-Mirsky]. Moscow, Molodaya gvardiya. 702 p.
(Seriya: Zhizn' zamechatel'nykh lyudei. Iss. 1825.)

Oleg Osovsky

Mordovia State Pedagogical University,
Saransk, Russia

Vera Kirzhayeva

Mordovia State University,
Saransk, Russia

This article reviews *Svyatopolk-Mirsky*, a book by M. V. Efimov and G. Smith published by *Molodaya gvardiya* in the *Lives of Remarkable People* series (2021). It was written by the oldest English specialist in Russian literature Professor G. S. Smith and a well-known Russian researcher of the literature and culture of Russia abroad M. V. Efimov. Both have studied the life and literary legacy of the character of their book for many years. For the first time in Russia, using the Russian and European tradition of biographical studies and historical-literary, cultural, and textual practices, the authors have carried out a full-scale reconstruction of the biography of one of the most striking and enigmatic figures of the first wave of the Russian emigration. The authors of the book introduce a significant scope of archival materials and memories of contemporaries, hard-to-access English and émigré periodicals, and other sources into scholarly circulation. It makes it possible to create a detailed account of the main events

---

* Citation: Osovsky, O., Kirzhayeva, V. (2023). The Life and Death of the *Red Prince*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 1. P. 357–367. DOI 10.15826/qr.2023.1.794.

Цитирование: Osovsky O., Kirzhayeva V. The Life and Death of the *Red Prince* // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 1. P. 357–367. DOI 10.15826/qr.2023.1.794 / Осовский О., Киржаева В. Жизнь и смерть «красного князя» // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 1. С. 357–367. DOI 10.15826/qr.2023.1.794.

of prince D. P. Svyatopolk-Mirsky's life – from his childhood to his tragic death in the Magadan camp, dramatic twists of fate and the reasons behind them, his close circle and distant environment, the political, historical, cultural, and literary context of the events described. The biographers' interest in the inner world and the psychology of Svyatopolk-Mirsky's actions is combined with a subtle philological analysis of his literary criticism and studies. According to the reviewers, the book is a major event in the Russian literary, political, and cultural history of the 1920s–1930s.

Keywords: biography, biographical reconstruction, D. P. Svyatopolk-Mirsky, Russian émigré literature, Soviet literature

Представлен анализ книги М. В. Ефимова и Дж. Смита «Святополк-Мирский», вышедшей в издательстве «Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей» (2021). Ее авторы – старейший английский русист профессор Дж. Смит и известный отечественный исследователь литературы и культуры российского зарубежья М. В. Ефимов, многие годы изучавшие жизнь и творческое наследие своего героя. Опираясь на российскую и европейскую традицию биографических исследований и используя историко-литературные, культурологические и текстологические практики, авторы впервые в России осуществили полномасштабную реконструкцию биографии одной из самых ярких и загадочных фигур эмиграции первой волны. В книге использованы впервые введенные в научный оборот архивные материалы, свидетельства и воспоминания современников, малодоступная английская и эмигрантская периодика, что позволило представить основные события жизни князя Д. П. Святополк-Мирского от самого детства до трагической смерти в магаданском лагере, повороты его судьбы и стоящие за ними причины, близкое и дальнейшее окружение героя, политический, историко-культурный и литературный контексты описываемых событий. По мнению рецензентов, характерный для биографов интерес к внутреннему миру и психологии поступков персонажа сочетается с тонким филологическим анализом его литературно-критических и литературоведческих работ. Издание книги является серьезным событием в отечественном литературоведении, политической и культурной истории России и российского зарубежья 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: жизнеописание, биографическая реконструкция, Д. П. Святополк-Мирский, литература российского зарубежья, советская литература

Имя Д. П. Святополк-Мирского (1890–1939) хорошо известно исследователям политической и культурной истории российского зарубежья, советской литературы 1920–1930-х гг. литературной критики. Одна из самых ярких и противоречивых фигур в постреволюционном пространстве эмиграции, критик, перу которого принадлежали первые оценки творчества М. Цветаевой и Б. Пастернака, статьи о рождающейся советской литературе и ее успехах, посредник между

русской словесностью и английским читателем, представлявший английскую литературу русскому читателю, активный участник политической жизни эмиграции 1920 – начала 1930 гг., «возвращенец» и жертва сталинских репрессий – вот далеко не полная характеристика героя рецензируемой книги.

Появление первой в России биографии Д. П. Святополк-Мирского – несомненное историко-литературное событие, уже отмеченное ведущими литературоведческими журналами [Баскина (Маликова); Иванова]. Перед нами – полномасштабная научная биография, написанная в строгом соответствии с канонами литературоведческого исследования. Дело не в объемных примечаниях, редко встречающихся в изданиях «ЖЗЛ», или в практически исчерпывающем списке литературы по теме, скромно названном «краткой библиографией», но в принципиальной позиции авторов, главная задача которых заключалась в детально документированной реконструкции жизни героя и в максимально репрезентативном восстановлении историко-литературного, культурного и политического контекстов. Это подчеркнуто и в авторском предисловии: «У книги, вероятно, должен быть подзаголовок: “Опыт биографии”, поскольку это не научная биография, а опыт реконструкции биографии человека, о котором мы до сих пор многого не знаем и, вероятно, многого так никогда и не узнаем» (с. 7)¹.

Нет сомнений, что профессионализм книги определяется профессионализмом авторов, один из которых – английский русист профессор Дж. Смит, начавший изучение биографии и творчества Д. П. Святополк-Мирского в 1970 г. и в 2000 г. опубликовавший о нем книгу [Smith]. Второй автор – исследователь литературы и культуры российского зарубежья, выпустивший монографию об эмигрантском периоде жизни Д. П. Святополк-Мирского, М. В. Ефимов [Ефимов]. Рецензируемая книга стала закономерным итогом многолетнего сотрудничества двух исследователей, и хотя текст ее, по признанию М. В. Ефимова, создавался именно им, вклад Дж. Смита в общий замысел книги и в конкретику реконструируемых эпизодов был не менее значителен. Органичной частью текста стали беседы Дж. Смита в 1970-е гг. с участниками событий, разворачивавшихся вокруг Д. П. Святополк-Мирского, таких как П. П. Сувчинский, который был фигурой «во многом ключевой» в эмигрантской жизни героя, человеком, подробно изложившим в 1974 г. историю их знакомства в Берлине 1922 г., приведенную авторами (с. 206).

Разговор о герое авторы начинают с погружения в историю его рода. И дело не только в том, что внутренний аристократизм Святополк-Мирского во многом определяется той самой древностью рода и его включенностью в русскую, российскую историю. Не случайно в книге не раз повторяется фраза, имевшая хождение

---

¹ Здесь и далее ссылки на рецензируемое издание даются с указанием страниц в круглых скобках.

в советских литературных кругах в начале 1930-х, что вернувшийся в СССР бывший белый эмигрант Д. П. Мирский имеет прав на российский престол куда больше, чем все Романовы вместе взятые. Приятельствовавший с Д. П. Святополк-Мирским в середине 1930 г. Ю. К. Олеша именовал его не иначе, как «царь Дима» (с. 543), а прозвище Святополк Окаянный за глаза использовалось Николаем II и великим князем Сергеем по отношению к Мирскому-отцу (с. 40) и М. Горьким по отношению к Мирскому-сыну (с. 8–9). Но обращение авторов к фамильным книгам польского дворянства позволяет с уверенностью говорить о сомнительности связи Мирских с Рюриковичами. В бурные первые десятилетия XIX в. прадед-авантюрист добился подтверждения прав захудалого шляхетского рода Мирских на польский княжеский титул, а в 1861 г. Александр II, учитывая военные подвиги и государственные заслуги перед Россией, даровал братьям Дмитрию и Николаю, а также их отцу право «с их потомством именоваться в России князьями без предъявления документов на сей титул, утраченных во время Польского мятежа 1831 г.» (с. 13). Отец героя Петр Дмитриевич занимает высокие государственные должности – от генерал-губернатора до начальника корпуса жандармов, а затем министра внутренних дел; по матери, урожденной графине Бобринской, он прямой потомок Екатерины II, отпрыск одного из самых знатных и влиятельных родов Российской империи. Именно этот врожденный аристократизм, как убедительно показывают авторы книги, с ранней юности определял независимость характера и абсолютную внутреннюю свободу Д. П. Святополк-Мирского.

Авторы описывают счастливое детство героя, проходившее в родовом имении в Харьковской губернии, многочисленных воспитателей, гувернанток, учителей, англофильство отца и знание с детства английского языка, что сыграет заметную роль в эмигрантской жизни Святополк-Мирского. Так, английские журналисты Морис Беринг и Бертон Берс, которые появились в доме по приглашению отца, оказали решающую помощь в устройстве младшего Святополк-Мирского в Англии, в обретении им своего места в английской интеллектуальной жизни. При знакомстве в 1907 г. юный князь поразил М. Беринга поэтической одаренностью и глубиной и неожиданностью литературных пристрастий: «этот “школьник семнадцати лет, уже знакомый с литературой на семи языках и, более того, пишущий стихи по-английски и по-русски”, горячо воскликнул: “Мы, русские, через пятьдесят лет будем краснеть от стыда при мысли, что столь восхищались Толстым, когда в то же время у нас был такой гений, как Достоевский, которому Толстой недостоин развязать ремня на обуви его”» (с. 18).

Незадавшаяся министерская карьера отца, либеральные взгляды которого не нашли понимания у Николая II, в значительной степени определит отношение сына к царской семье и самодержавию. Авторы не утверждают, что именно здесь кроются причины позднейших симпатий Мирского к Ленину, Советской России и коммунистическим

идеям, однако крайне скептическое восприятие им Романовых и царского режима в целом очевидно.

Но до осмысления политических сторон жизни еще достаточно далеко. Пока получивший прекрасное домашнее образование подросток поступает в 1-ю Петербургскую гимназию и прекрасно оканчивает ее. 17-летним гимназистом он знакомится с А. А. Блоком, М. А. Кузминым и другими важнейшими фигурами Серебряного века. Эта часть истории, с одной стороны, вполне типична. Гимназисты решают поставить блоковский «Балаганчик», и подготовка школьного спектакля, так и не состоявшегося, приводит к тому, что Святополк-Мирский становится персонажем писем и дневников мэтров символизма, а общение с ними определит, надо полагать, вектор его литературных увлечений ближайших лет. В 1911 г. он выпускает 76-страничную книжку «Стихотворения», которая была упомянута в рецензии Н. Гумилева: «При чтении их возникает сомнение, не нарочно ли автор так сузил свой горизонт, отверг острые переживания и волнующие образы, полюбил самые невыразительные эпитеты, чтобы ничто не отвлекало мысль от главной смены отточенных и полнозвучных строф. Как будто он еще боится признать себя по этому, и пока мне не хочется быть смелее его» (с. 108). Сохраняя объективность по отношению к герою, авторы биографии подчеркивают: «Мирский был в известном смысле лучше многих новичков – просто в силу того, что неплохо ориентировался в классической и современной поэзии, и русской, и европейской» (с. 106).

Поэтическая стезя не стала определяющей в жизни выпускника гимназии: выбор между кавалерийским училищем, вполне логичный для отпрыска потомственной семьи военных, и университетом решается в пользу последнего. Здесь можно задаться вопросом, не было ли связано ли поступление Святополк-Мирского на восточный факультет Императорского Санкт-Петербургского университета с перспективой дипломатической карьеры? Не случайно он выбирает для изучения японский и китайский языки: всего три года прошло после позорного поражения в Русско-японской войне, так что внимание к этому региону – дело государственной важности. Но нужно отметить, что авторы стремятся избегать предположений, гипотез и догадок, просто констатируя известные факты и дополняя их необходимым контекстом. В эти годы Святополк-Мирский всерьез увлечен филологией, посещает знаменитый Пушкинский семинар С. А. Венгерова, который, по мнению биографов, стал той самой школой, где будущий литературовед и литературный критик обрел способность по-новому смотреть на литературу и не бояться оригинальных суждений.

В судьбе Святополк-Мирского есть еще одна загадка, однозначного ответа на которую в книге нет. Осенью 1911 г. он оставляет университет и поступает в лейб-гвардии 4-й стрелковый императорской фамилии полк, то есть возвращается на традиционно уготованную отпрыскам аристократических фамилий стезю. Остается только га-

дать, что послужило причиной такого резкого поворота: ни период военной службы, ни последовавшая за ним война особыми подробностями не изобилуют. И в этом не вина авторов книги, а стечение обстоятельств – отсутствие документов, небольшое количество свидетельств современников и крайняя скупость показаний, которые Святополк-Мирский давал на допросах в НКВД в 1937 г. Остается только сожалеть, что он не оставил чего-то подобного «Запискам кавалериста» Н. С. Гумилева, «Из писем прапорщика-артиллериста» Ф. А. Степуна или «Запискам кирасира» князя В. С. Трубецкого.

Авторы лаконичны в описании военной биографии героя, однако можно сказать с уверенностью, что молодой гвардейский офицер, вернувшийся в полк в начале Первой мировой войны, был, несомненно, личностью героической. И несколько боевых орденов, ранения, полученные на фронтах Первой мировой, лучшее тому подтверждение.

После ранения Святополк-Мирский переводится на турецкий фронт, и здесь события военные вполне перекликаются с событиями историко-литературными. Он оказывается там, где в прошлом столетии побывал Пушкин, – под Эрзерумом. Обычная офицерская карьера его не прельщает, и он заканчивает краткосрочные курсы при Генеральном штабе. Это один из немногих фактов военной биографии, которым он будет гордиться по-настоящему и в 1925 г. пишет издававшему в Брюсселе журнал «Благонамеренный» князю Д. А. Шаховскому: «Милый князь, я был так завален работой все это время (корректурa и пр. двух книг, начало учебного года и пр.), что не успевал сесть за статью для Вас. Но получив письмо Ваше, вспомнил, что я офицер Генерального штаба и что для нашей корпорации нет отговорок отсутствием времени, незнанием или неумением, сел и написал» (с. 137).

«Путешествие в Арзрум» Святополк-Мирского чуть не заканчивается трагедией. Он чудом избежал гибели в начале 1918 г., когда большую часть офицеров полка, оставившего фронт в соответствии с советско-турецкими договоренностями и направлявшегося в Россию, утопят революционные матросы в Новороссийске. Дальнейший путь его закономерен: Добровольческая армия, участие в боевых действиях, подробностей которых тоже немного. На допросах в НКВД Святополк-Мирский говорил только о своей штабной работе, однако приводимые биографами свидетельства говорят о другом. Так, в цитируемых воспоминаниях Н. В. Волкова-Муромцева он фигурирует как командир одного из подразделений (с. 152–154). Судя по всему, он не слишком высоко поднимается в чинах и, скорее всего, к ним не стремится. Что тому причиной, полученные ли в Первую мировую ранения или начинающееся разочарование в Белом движении – сказать трудно, однако, оказавшись в 1920 г. с отрядом генерала Н. Э. Бредова в лагере для интернированных в Польше, Святополк-Мирский в Крым к П. Н. Врангелю уже не отправится. Он предпочтет покинуть лагерь, перебраться к одному из своих влиятельных

польских родственников, а затем воссоединиться с матерью в Греции и начать жизнь на чужбине.

Талант, работоспособность и везение – вот, пожалуй, триединая формула, которая может объяснить причины успешной карьеры Святополк-Мирского в Англии. Свою роль здесь сыграют и хорошее знание английского языка, и прежние знакомства. Должность лектора по русской литературе в Школе славянских исследований Королевского колледжа в Лондоне – это очень немало на фоне той непростой ситуации, в которой пребывает русская эмиграция в Великобритании, крайне ограниченная и в своем числе, и в своих возможностях [см. подробнее: Киржаева, Осовский]. Положение Святополк-Мирского почти уникально: для английской аудитории он открывает русскую литературу, русскую эмиграцию он знакомит с литературой английской. В течение десяти лет он остается одной из самых ярких фигур и в английском литературном мире, имея возможность контактировать практически со всеми ведущими британскими писателями, среди которых Т. С. Элиот, Д. Г. Лоуренс, О. Хаксли, В. и Л. Вулфы, Р. Олдингтон, и в мире славянских исследований, где он выступает проводником английских читателей в историю русской словесности.

У Святополк-Мирского выстраиваются достаточно конструктивные отношения с русской эмиграцией в Европе, по крайней мере, до 1926 г., когда начинается заметная радикализация его политических и литературных взглядов. Он желанный гость на страницах ведущего эмигрантского журнала – парижских «Современных записок», автор огромного количества статей и рецензий в английской периодике, в силу своих должностных обязанностей оставаясь и постоянным автором журнала Школы славянских исследований – известного *Slavonic Review*. Он подписывает договоры на издание книг, посвященных истории русской литературы и современной русской словесности, благодаря которым его имя значимо для англоязычной русистики [см.: Mirsky, 1925; Mirsky, 1926a; Mirsky, 1926b; Mirsky, 1927].

Биографы подчеркивают все более отчетливо проявляющееся особое положение Мирского в русской литературной и политической эмиграции. В первой половине 1920-х гг. он не примыкает ни к одной из литературных группировок, ему близка молодая эмигрантская поэзия, прежде всего Марина Цветаева, журнал «Благонамеренный», пражская «Воля России». Однако все заметнее становится его неподдельный интерес к новой советской литературе, прежде всего к поэзии, о которой он много и охотно пишет. Независимость и резкость суждений, акцентированная оригинальность позиции проявились уже в его антологии русской поэзии, изданной в 1923 г. и вызвавшей не просто настороженность, но активное неприятие большинства критиков.

«Одиночество и свобода» – пожалуй, этой формулой Г. В. Адамовича коллеги Святополк-Мирского по парижскому еженедельнику «Звено», биографы могли бы определить позицию своего героя в эми-

грантской среде. Служба в Школе славянских исследований, гонорары от английских изданий и публикаций – все это позволяет ему вести относительно независимое от соотечественников существование, оказывать помощь многим из них, включая Марину Цветаеву, которой до начала 1930 гг. он из собственных средств выплачивает «пенсион». Продолжать его платить он будет до последней возможности, когда сам, лишившись жалования в *King's College*, окажется весьма ограниченным в средствах. Но, как подчеркивают авторы, только литературная деятельность не удовлетворяет героя. Государственник по происхождению и воспитанию, семейным традициям, Святополк-Мирский достаточно хорошо видит ограниченность эмигрантского сообщества, а претензии потомственного аристократа к погубившей, как он считает, Россию интеллигенции в конечном итоге приводят его к сближению с евразийским движением и постепенной переоценке отношения к Советской России.

Специфическое место Святополк-Мирского среди евразийцев ощущалось им достаточно хорошо. Биографы указывают на обозначенные им в 1923 г. в письме к П. П. Сувчинскому несовпадения с ранним евразийством: «Совестно сознаться, но евразийство мое было, в сущности, явлением преходящим, выросшим на чисто эмоциональной почве оскорбленного эмигрантского самолюбия. (Что, между прочим, мне кажется, Вы отчасти еще в прошлом году заметили?) Поэтому не считаю себя вправе, само собой разумеется, принять Ваше приглашение. Был бы, конечно, рад впоследствии писать для Вас, если Вы примете человека настолько несерьезного, что бывает евразийцем в четные и европейцем – в нечетные годы. Впрочем, я вообще человек без убеждений и прирожденный, хотя и не всегда открытый враг идей вообще» (с. 214). «Несерьезность» идеологической позиции не помешает Святополку-Мирскому принять участие в евразийских проектах – журнале «Версты» и еженедельнике «Евразия». От этого лишь один шаг к радикальной перемене политических установок и принятию СССР и коммунизма, о чем, как показывают авторы, наглядно свидетельствуют его публикации и в *Slavonic Review*, и в органе левой части евразийского сообщества – журнале «Евразия».

С 1928 г. начинается диалог Святополк-Мирского с М. Горьким. Становятся все интенсивнее контакты с советскими писателями и деятелями культуры, появляющимися в Европе. Среди тех, с кем Мирский общается во второй половине 1920 гг., и заметные советские функционеры, правда, не сталинского, а антисталинского лагеря: Г. Л. Пятаков в Париже, Г. Я. Сокольников в Лондоне². Биографы не задаются вопросом, сколько к этому времени в окружении Святополк-Мирского агентов ГПУ, но совершенно очевидно, что их немало, включая С. Я. Эфрона и неизбежную любовь героя В. А. Гучкову-

² Пожалуй, в этот список следует добавить и более давнего знакомого героя М. М. Литвинова, жене которого англичанке А. Лоу принадлежит авторство остроумного прозвища «товарищ князь» (с. 169).

Сувчинскую. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. Святополк-Мирский превращается в активного пропагандиста успехов СССР, и не только в литературе. Авторы ни в коей мере не ставят под сомнение искренность его новой позиции, подтверждение чему они видят и в его книге о Ленине [см.: Mirsky, 1931], и во вступлении в Коммунистическую партию Великобритании в 1931 г. Следующий шаг – это получение советского гражданства и возвращение в СССР в 1932 г.

К великому сожалению, последние годы пребывания Святополк-Мирского в Англии описаны довольно скупо. Несмотря на воспоминания современников – от русских эмигрантов до английских интеллектуалов – достоверных документов не так много. По какой-то причине биографы обошли вниманием письма своего героя одному из лидеров британской компартии и ее будущему генсеку Р. П. Датту, которые хранятся в архиве и научно-исследовательском центре истории рабочего движения в Манчестере. Не возникло у них и вопроса, почему в Национальном архиве Великобритании до сих пор нет документов Святополк-Мирского, определенно имевшихся в Министерстве внутренних дел. Где находятся те самые ручательства, которые каждый год подписывал в отношении своего русского преподавателя директор Школы славянских исследований сэра Бернард Пэрс?

Скорее всего, решительный уход Святополк-Мирского из школы был продиктован уже имевшимися планами на новую жизнь, судя по всему, связанными не только с возвращением на родину. Авторы цитируют письмо В. В. Набокова преемнику героя на должности лектора в школе Г. П. Струве, в котором тот делится ходившими в эмигрантской среде слухами, что Святополк-Мирский с И. Э. Бабелем по инициативе М. Горького должны организовать в Париже международный просоветский журнал (с. 539). Кажется, Святополк-Мирский действительно верит в возможность своей политической карьеры в СССР – в руководящих органах международного коммунистического движения, благо подобного рода организаций – от МОПРа до ассоциации писателей и прочих представителей западной «интеллидженсии» [см.: Мирский], борющихся за мир, до писателей, более чем достаточно. Но, как замечают авторы, и к 1936 г. подобных возможностей бывшему князю никто не предоставил: «план, ради которого Мирским все только и затевалось, “быть работником ленинизма” ради “всеобщей социальной революции” (то, о чем Мирский писал Горькому в 1930 году), рухнул в самом начале после приезда в СССР. Его привлекли к переводам Ленина на английский на полгода. И все. На этом практический ленинизм и закончился, так и не начавшись» (с. 547).

Страницы, посвященные советскому периоду жизни героя, можно назвать самыми трагическими: бывшему князю было разрешено заниматься литературной критикой, писать литературоведческие статьи, работать с материалом советской и зарубежной литературы, и не более того. По остроумному наблюдению А. Цветкова, «красный князь»

Святополк-Мирский (с. 668) в окружении М. Горького – фигура, вполне соотносящаяся с «красным графом» А. Н. Толстым. Довольно быструю советскую трансформацию Мирского-литератора адекватно описывает название известного романа Б. Ясенского «Человек меняет кожу»: Мирский – активный участник писательской делегации на Беломорканал, один из ближайших сподвижников редактора журнала «На литературном посту» Л. Л. Авербаха, автор газетных выступлений, срывающих маски с врагов народа, литературный критик, вполне освоивший риторику вульгарного социологизма. Даже в этих условиях он не теряет профессионализма: его наблюдения точны, а филологическая интуиция на высоте, но продемонстрировать эту сторону своего таланта ему доводится все реже. Пребывание под крылом М. Горького еще оставляет ему какую-то степень свободы, и он может позволить себе написать о недостатках не только романов былых английских знаменитцев, но и «Последнего из удэге» А. А. Фадеева.

Смерть М. Горького становится началом предсказуемого финала. Обличения со стороны коллег по цеху, донос Сталину известного партийного и литературного функционера, редактора «Известий» И. М. Гронского, белогвардейское и эмигрантское прошлое, знакомства с иностранцами, врагами народа и вредителями и, наконец, подозрения в сотрудничестве с британской разведкой – вот основания для ареста «замаскированного врага». Приговор суда оказался относительно гуманен: «Мирского (Святополк-Мирский) Дмитрия Петровича по подозрению в шпионаже заключить в исправтрудлагерь сроком на восемь лет, считая срок со 2/VI-37 г.» (с. 630). Но этот срок стал для Святополк-Мирского смертельным приговором: «Мирский скончался в отдельном лагпункте “Инвалидный” 6 июня 1939 года после полутора лет в лагере», не дожив до 50 лет (с. 633).

Книга М. В. Ефимова и Дж. Смита вносит серьезный вклад в сегодняшние представления о литературной и политической жизни российской эмиграции 1920–1930 гг. и дополняет новыми деталями картину советской литературной жизни 1930 гг. Не станем утверждать, что выстроенное авторами жизнеописание Святополк-Мирского может стать моделью биографической реконструкции судеб иных персонажей российского зарубежья, поскольку отличающий их сплав научного и литературного талантов, многих лет исследования и уникальности источников – явление редкое и сугубо индивидуальное. Очевидно, что книга позволяет по-новому взглянуть и на героя, и на его окружение, и на саму эпоху.

Библиографические ссылки

Баскина (Маликова) М. «Поверх барьеров»: о Дмитрие Петровиче Святополк-Мирском // Новое лит. обозрение. 2021. № 4 (170). С. 353–361.

Ефимов М. В. D. S. M. / Д. П. Святополк-Мирский. Годы эмиграции, 1920–1932. СПб. : Нестор-История, 2019. 456 с.

Ефимов М. В., Смит Дж. Святополк-Мирский. М. : Молодая гвардия, 2021. 702 с.

Иванова Е. В. Д. П. Мирский: почва и судьба // Рус. лит. 2022. № 3. С. 249–252. DOI 10.31860/0131-6095-2022-3-249-252.

Киржаева В., Осовский О. Педагогическая жизнь русской эмиграции в Лондоне: от надежды – к разочарованию // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8, № 3. С. 847–860. DOI 10.15826/qr.2020.3.499.

Мирский Д. П. Интеллиджентсия. М. : Сов. лит., 1934. 138 с.

Mirsky D. S. Lenin. Boston : Little, Brown & Co., 1931. XII, 226 p.

Mirsky D. S. Pushkin. L. : George Routledge ; N. Y. : E. P. Dutton, 1926b. V, 266 p.

Mirsky D. S., Prince. A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881). L. : George Routledge ; N. Y. : Alfred Knopf, 1927. XIV, 388 p.

Mirsky D. S., Prince. Contemporary Russian Literature: 1881–1925. L. : George Routledge ; N. Y. : Alfred Knopf, 1926a. XV, 372 p.

Mirsky D. S., Prince. Modern Russian Literature. L. : Oxford Univ. Press : Humphrey Milford, 1925. 120 p.

Smith G. S. D. S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. Oxford : Oxford Univ. Press, 2000. XVIII, 398 p.

References

Baskina (Malikova), M. (2021). “Poverkh bar’erov”: о Dmitrii Petroviche Svyatopolk-Mirskom [“Over the Barriers”: About Dmitry Petrovich Svyatopolk-Mirsky]. In *Novoe literaturnoe obozreniye*. No. 4 (170), pp. 353–361.

Efimov, M. V. (2019). *D. S. M. / D. P. Svyatopolk-Mirskii. Gody emigratsii, 1920–1932* [D. S. M. / D. P. Svyatopolk-Mirsky. The Years of Emigration, 1920–1932]. St Petersburg, Nestor-Istoriya. 456 p.

Efimov, M. V., Smith, G. S. (2021). *Svyatopolk-Mirskii* [Svyatopolk-Mirsky]. Moscow, Molodaya gvardiya. 702 p.

Ivanova, E. V. (2022). D. P. Mirskii: pochva i sud’ba [D. P. Mirsky: Soil and Fate]. In *Russkaya literatura*. No. 3, pp. 249–252. DOI 10.31860/0131-6095-2022-3-249-252.

Kirzhayeva, V., Osovsky, O. (2020). Pedagogicheskaya zhizn’ russkoi emigratsii v Londone: ot nadezhdy – k razocharovaniyu [The Pedagogical Life of the Russian Emigration in London: From Hope to Disappointment]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8. No. 3, pp. 847–860. DOI 10.15826/qr.2020.3.499.

Mirsky, D. P. (1934). *Intellidzhentsiya* [Intelligentsia]. Moscow, Sovetskaya literatura. 138 p.

Mirsky, D. S. (1931). *Lenin*. Boston, Little, Brown & Co. XII, 226 p.

Mirsky, D. S. (1926b). *Pushkin*. L., George Routledge, N. Y., E. P. Dutton. V, 266 p.

Mirsky, D. S., Prince. (1927). *A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881)*. L., George Routledge, N. Y., Alfred Knopf. XIV, 388 p.

Mirsky, D. S., Prince. (1926a). *Contemporary Russian Literature: 1881–1925*. L., George Routledge, N. Y., Alfred Knopf. XV, 372 p.

Mirsky, D. S., Prince. (1925). *Modern Russian Literature*. L., Oxford Univ. Press, Humphrey Milford. 120 p.

Smith, G. S. (2000). *D. S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939*. Oxford, Oxford Univ. Press. XVIII, 398 p.

The article was submitted on 17.08.2022